

Серафима Иванова

16+

Музыка Внутри нас

Чтение на ночь для совсем взрослых

Серафима Иванова

Поездка в Тоскану

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51558851

SelfPub; 2020

ISBN 978-5-532-05205-5

Аннотация

Эти новеллы и сказки исправляют Судьбу читателя, принося в его жизнь то сокровенное, о чём он мечтал давно и безуспешно. Как это работает? Знают те, кто уже читал эти новеллы. Почему это работает? Знает Бог. Так что же это такое – эзотерика? Фантастика? Когнитивно-поведенческая психотерапия? Ни то, ни другое, ни третье. Тогда что? Разберитесь сами. Хотя, если Вы любите преодолевать ненужные трудности, то Вам читать этот сборник категорически воспрещается. Для обложки использована картина французского художника второй половины XIX века Пля Сезара Эллё. Подробно о художнике и его иллюстрациях читайте в разделе этой книги «Иллюстрации».

Содержание

От автора	4
Часть 1. Поездка в Тоскану	6
Поездка в Тоскану	7
Мэри	17
Странная	20
Жемчужина	24
Барсетка	27
Перчатки	31
Блудный сын	37
Джон	42
Конец ознакомительного фрагмента.	46

От автора

Добрый день!

В нашем мире принято начинать общение со знакомства. Я – Серафима Иванова. Не думаю, что Вас заинтересует, на каком этаже я живу или сколько рыбок плавает в моём аквариуме. Я же у Вас об этом не спрашиваю. А вот для чего я пришла на встречу с Вами и что я хочу сказать – это совсем другое дело. Я очень люблю историю и с удовольствием занимаюсь ею. Именно по этой причине я умышленно отказалась от всякого рода примечаний, сносок, ссылок и т. д. и т. п. Отказалась, хотя тексты изобилуют не всем понятными словами и именами. Ибо сказано в Писании: «Просите, и дано будет вам; ищите, и найдете; стучите, и отворят вам; ибо всякий просящий получает, и ищущий находит, и стучащему отворят».

Ну и конечно же, я очень люблю с детства хорошую литературу, как и любое искусство. Начав заниматься литературой по необходимости, я с удовольствием стала пробовать себя в разных её жанрах, и мне это понравилось. Особенно писать разные сказки. Почему именно сказки? Наверное, по той причине, что преклоняюсь перед гением моего любимого писателя Толкина, а он однажды сказал: «Прелесть сказки заключается в том, что в ней человек полнее всего реализует себя как создатель. Он не “комментирует жизнь”, как любят

говорить сегодня; он творит, в меру возможностей, “вторичный мир”». И конечно же, она даёт право заглянуть в мир фэнтези – другой Мир, где действуют другие законы Мироздания. Какие? Поживём – увидим.

Очень надеюсь на то, что наше знакомство будет обоюдно полезным.

С уважением, Ваша ерафима.

Часть 1. Поездка в Тоскану

Что волшебное, что реально?
Как кто видит этот мир?
Кто дурачит нас специально?
Кто наш враг, а кто кумир?

Изначально идеальны —
Свет души и чистота.
Все события фатальны —
Миром правит красота.

Нереальное – реально!
Эти сказки так просты.
Ваши здесь сейчас буквально
Воплощаются мечты!

Поездка в Тоскану

Оуэнна наконец смогла попасть в приготовленную для неё комнату. Она приехала в Тоскану вместе с небольшой группой друзей. На недельный тур «Историческое погружение в эпоху Средневековья». Поездка была запланирована давно, к ней тщательно готовились все участники. Ещё в Москве было решено остановиться у одного из их общих друзей в недавно купленном им поместье, с парком и средневековым замком, построенным в десятом веке потомком лангобардского короля. В течение первых восьмисот лет этот замок жил весьма бурной жизнью. Чудом избежав завоеваний, он тем не менее переходил из рук в руки. Продавался и проигрывался в азартные игры друг другу самыми важными семьями Флоренции и, в конце концов, оказался почти разрушен. Английский лорд Ратвин купил этот замок в начале девятнадцатого века и тщательно восстановил всё поместье по старым книгам и документам. Лорд пригласил самых известных ремесленников, скульпторов, каменщиков, стекольщиков и художников, которые с удовольствием воссоздали исторический облик уже обветшавшего к тому времени комплекса, включавшего в себя средневекового облика замок, роскошь виллы эпохи Медичи и прекрасный парк с древними статуями в окружении оливковых рощ и виноградников. Вся обстановка здесь являлась подлинной: антикварная ме-

бель, картины, гобелены, люстры, стекло, фарфор, доспехи и даже винный погреб. Теперь у находящегося в этом месте человека была абсолютно нарушена связь со временем, и немного мрачный мир старины, любовно оберегаемый её хозяином, полностью проникал в гостя. Это не было музеем. Это был частный дом, в котором никогда не жили люди, не входившие в ближайший круг владельцев.

Оуэнна открыла шкаф и достала из него платье, приготовленное специально для неё. Вот уже неделю она, как и вся их группа, жила подготовкой к костюмированному средневековому балу, специально для них устраиваемому в этом замке сегодня ночью. Апартаменты были замечательными. Роскошная старинная мебель, ковры, картины и утварь. Персонал комплекса был одет и причесан по моде эпохи Позднего Возрождения. Всё вместе создавало ощущение некой смеси музея и театра. На столике у окна стояли ваза с фруктами и бутылка *Tenuta di Bibbiano* с чёрным петухом на этикетке. За ужином Оуэнна в отличие от подруг воздержалась от вина. Потом... В комнату вошёл портье с её чемоданом и положил его на специальную подставку возле старинного дивана. В открытое окно резко дунул ветер с гор, и портье подошёл прикрыть его. Не доходя до окна, он тихо спросил у Оуэнны, не нужно ли ей что-то ещё. «Вы – госпожа, если что, сразу звоните в колокольчик у дверей», – произнёс он как-то не особенно уверенно. – «Тут, знаете ли, иногда всякое бывает. А сегодня ещё и полнолуние. В прошлое полнолуние я вот

висел под потолком, будучи черепашкой, и освещал собой комнату, а я уже года четыре как не балуюсь опиумом...» Портье становился всё тоньше и как будто прозрачнее. Вскоре он незаметно исчез.

Прекрасно. Теперь Оуэнне оставалось только тщательно, но быстро сделать соответствующие времени причёску и макияж, спуститься в нижний парк и присоединиться к остальной компании. Мужчины уже были готовы и в ожидании своих дам устроили там некое подобие турнира. В замке пахло Средневековьем. Постепенно начинало смеркаться. В левой части замка и в парке зажгли факелы и камины. Оуэнна достала из чемодана украшения и быстро надела их. Нужно спешить. Ещё немного, и дворецкий отключит электричество. Ну что же, погружение – значит, погружение. Ветерок пошире раздвинул занавеси на открытом окне, и луна заглянула в этот просвет, словно протягивая серебряную ладошку, которой нежно поглаживала часть комнаты. Кто-то оставил лежащей на столике старую книгу. Факсимиле лондонского издательства «Sherwood, Neely and Jones», новелла Джона Уильяма Полидори «Вампир» 1819 года. На открытой странице можно было прочесть: «...те, что дерзают поставить под сомнение существование вампира, неизменно получают доказательство, вынуждающее их, в муках и с разбитым сердцем, признать истинность старинного предания». Оуэнна вышла.

Лорд Ратвин открыл глаза. Он лежал на диване-канопе

времен Людовика XV. В окно смотрела огромная полная луна, и ветерок с виноградников задувал в него, слегка поигрывая занавесями. Из-за шалостей ветра неровный свет от факелов во дворе отбрасывал на всё причудливые тени. Казалось, что каменные горгульи замка, находящегося в конце аллеи, заглядывают в это окно и готовы в любой момент сорваться со своих насестов. Ратвин прислушался. Неужели, кроме него, в огромном здании не было ни одной живой души? Сквозь густую тишину просачивались едва уловимые вздохи, шорохи и лёгкое поскрипывание, которыми был наполнен весь дом. Откуда-то доносилась старинная музыка, слышались тихие шаги. Старая вилла словно ожила. Лорд попытался встать. Голова немного кружилась. Мышцы и кости болели так, словно по нему только что проехался паровой омнибус Амадея Болле. Неимоверно хотелось пить. Что же произошло? Память никак не возвращалась. На столике неподалёку стояли бутылка вина и пара бокалов. Вкус оказался весьма приятным. Вино, по всей видимости, дорогое, как и вся обстановка комнаты. Немного прохладно. Ратвин подошел к шкафу. В сознании неумолимо покачивалось ощущение родного дома. Открыв дверцу, он нашёл там мужской костюм с полным набором белья и обуви. С трудом облачившись во всё это, лорд решил пойти туда, откуда доносились звуки. Тело мало-помалу начинало слушаться. С балюстрады, тянущейся через весь второй этаж виллы, открывался вид на кипарисовую аллею, ведущую к централь-

ному зданию замка. В самом конце веранды едва заметно промелькнула тень, послышалось хихиканье, а затем кто-то позвал его по имени. Освещённые неровными отблесками уличных факелов лица со старинных фресок словно провожали его взглядами, поворачивая головы и меняя свои выражения. Ратвин пошёл быстрее, надеясь догнать позвавшую, но она как будто растворилась в воздухе. То же самое повторилось и в длинном коридоре, освещённом лишь лунной, отражавшейся в большом старинном зеркале. Наконец он вышел в парк и пошёл к замку, где окна вокруг рыцарского зала были освещены множеством свечей.

В замке всюду царила атмосфера бала. Красивые женщины в средневековых костюмах выписывали странные па со своими кавалерами. Где он? Что происходит? Едва войдя в зал, лорд Ратвин – красавец средних лет с атлетическим сложением тела сразу привлёк к себе взгляды большинства дам. От противоположной стены отделилась молоденькая полнотелая блондинка и подошла к нему. Ратвин – высокий мужчина с утонченными аристократическими чертами лица, явно ей нравился. На каком языке она с ним говорит? Лорд знал несколько европейских языков, но этот не был похож ни на один из них. Через пару минут они оба кое-как нашли общий. Девушка предложила пойти на балкон, чтобы подышать воздухом. Приглашение было не лишним, учитывая его состояние. Балкон выходил во внутренний двор, и на нём было почти темно. Звёзды, образуя яркие пентаграммы,

свешивались с неба, дразня огромную круглую луну. От девушки пахло удивительными духами, а её пышная полуобнаженная грудь просто сводила с ума. Бороться с собой было всё труднее. Лорд наклонился к блондинке, скользнул губами по её полуоткрытому рту, шее, груди. Остановился в разрезе глубокого декольте, впившись зубами в упругое тело, и вдруг острая нестерпимая боль взорвалась в нём, разливаясь от низа живота по всему телу. Удар был так силен и неожидан, что Ратвин непроизвольно сложился пополам, при этом звонко ударившись головой о каменный парапет балкона. Перед глазами плыли фейерверки, боль пульсировала в голове. Девушка стояла возле него, по её лицу блуждала странная улыбка. От неожиданности Ратвин с силой оттолкнул её, так что та отскочила к стене и едва не упала, поскользнувшись. В зале, разгорячённые танцами, вином и праздником, возбуждённо разговаривали люди. Острая тревога переросла в смертельный страх, не давая возможности сосредоточиться и осмыслить обстановку. Ужас всё нарастал, он уже охватил всё его существо. Лорд чувствовал, что нужно срочно уходить, но не мог пошевелиться. И тут он всё вспомнил.

В тот раз тоже был бал, только тогда его устраивал сам лорд Ратвин. Бал по поводу окончания реставрации этого замка. Праздник был в самом разгаре. 1885 год. Не так давно, кроме обычных увеселений аристократии, появилось и нечто новое – курение опиума. Следуя моде, лорд сделал в

особняке для него специальную комнату. Это были как раз те годы, когда мода на это развлечение захлестнула всю Европу, не миновав и Тоскану. Сегодня Ратвин курил мало. Он вывел из комнаты высокую томную брюнетку, что-то говорившую ему заплетающимся языком. Едва переступив порог спальни, она начала отключаться. Уложив Луизу, лорд уже собирался вернуться к гостям, но вдруг, подчиняясь непреодолимому влечению, быстро обнажил упругую девичью грудь и впился в неё зубами. Напрасно. С некоторых пор он изо всех сил боролся со своим недугом и даже перешёл на кровь животных, но сегодня сдержаться не получилось. Девушка бледнела всё больше, а он никак не мог остановиться. Если бы он знал, что она уже несколько месяцев «плотно сидит на героине»! Внезапно лорд почувствовал, что начинает слабесть, а его сознание уходит. Что-либо предпринимать было поздно – началась трансформация.

Летучая мышь вылетела из окна спальни и, неровно взмахивая крыльями, полетела на юг. Куда, зачем? Этого он не понимал. Эхолокация не работала, навигатор всё время показывал разное направление. Краски были на удивление яркими, а скорость полёта настолько высока, что пейзажи внизу мелькали как в калейдоскопе. Наконец накатила страшная усталость, не было никаких сил продолжать полёт. Что сейчас под ним, где он? Он уже ничего не видел. В конце концов, силы окончательно оставили его, и он камнем рухнул вниз.

Очнулся он на палубе парохода внутри сложенных бухтой

швартовых канатов. Солнце нещадно поджаривало его маленькое тельце, а яркость была такой, что не хотелось жить. Из-за непрерывной качки его буквально выворачивало наизнанку. Всё болело и вибрировало. Необходимо было спрятаться куда-то до темноты. Пока что это плохо получалось, но всякая упорная работа в конце концов вознаграждается успехом, так что ему удалось забиться в ближайший угол. Матросы на палубе были крайне возбуждены, поговаривая о скором причале к берегам Гоа. Наконец солнце упало в воду и наступила темнота. Теперь следует срочно выбраться из укрытия и лететь к берегу. Высокие деревья стояли в воде, простирая к нему свои ветви. Берег действительно был почти рядом, но сил было мало, и до ближайшего дерева он дотянул на последнем издыхании. Возможно, следовало немного углубиться в заросли. Совсем немного. Однако местность была незнакомой и пугающей. Пролетев эти пару километров, он буквально упал на ветку с цветами и плодами. На нижних ветвях тень была гуще, и от воды веяло прохладой. Вцепившись когтями в одну из них, он наконец смог повиснуть в блаженном забытии.

Сон, однако, оказался недолгим. Недавно поднявшееся солнце вдруг со страшной силой ударило его по голове. Открыв глаза, он успел увидеть, что это вовсе не солнце, а хвост дракона. От удара его задние лапы разжались, и он тут же оказался внутри огромной пасти чудовища. Крокодил. Это конец. Желудочный сок разъедал его тело, доставляя неимо-

верные страдания. Отключиться никак не удавалось. Он поглощался этим огромным телом, постепенно становясь его частью, и скоро должен был раствориться в нём окончательно. Собрав последние силы и всю волю, он начал трансформацию.

Los Murciélagos – звучит, конечно, приятнее, зато теперь питания и крови хватало с избытком. Годы текли медленно и спокойно. Очень медленно. Пока... С чего люди вдруг устроили на него облаву, он так и не понял. После шестичасовой борьбы за жизнь всё было кончено.

Сейчас лорд Ратвин продирался сквозь густую сеть воспоминаний, сопровождавшихся ощущениями нестерпимой боли и безысходности. Он пытался вспомнить план замка и поскорее покинуть место, где были люди. С некоторых пор он боялся их до оцепенения, но тем не менее вовсе не хотел трансформации. Только не это! Опять проходить все этапы, терпеть невыносимую боль и мучения. Однако оставаться здесь предельно опасно. Он с трудом вспомнил, что бежать незамеченным возможно только по боковой лестнице, чтобы через подвал попасть в подземный ход, ведущий в тайный проход на виллу. Он метнулся к боковой лестнице, но она оказалась заперта. Прыгать с балкона слишком высоко, одежда сковывала движения, дышать становилось трудно. Перескочив через полулежащую у стены девушку, он побежал прямо через зал. Девушка, наступая на свои длинные юбки, погналась за ним. Пробегая по второму коридо-

ру, лорд понял, что запутался. Комната, ведущая в тайный ход, исчезла. Ратвин заметался по замку. Бежать становилось всё труднее, силы оставляли его с нарастающей быстротой, тело начинало слабеть. Всё повторялось. Он кинулся напрямик через кипарисовую аллею к вилле. Нужно быстрее. Там он надёжно спрячется. За спиной, не отставая, слышалось дыхание и шуршание юбок. Из сада доносился хохот филина. Сознание застилало страшные картины воспоминаний. Люди... Сердце лорда отчаянно билось в горле, ужас липким холодным потом заливал глаза. Наконец он добежал до виллы. Дверь в винный погреб оказалась открытой. Небольшой проход вывел его на узкую боковую лестницу. Девушка всё не отставала, а ступени становились всё круче, как будто вырастали под его ногами в высоту. Стены хватили за одежду выступающими светильниками. Хотелось кричать. Вилла словно издевалась над ним. Наконец последняя дверь. Собрав оставшиеся силы, лорд схватился за её ручку и рванул на себя.

С бала Оуэнна вернулась, как и остальные, с первыми лучами солнца. Каково же было её удивление, когда она увидела, что дверь в её комнату открыта. Возле двери раскинулся кем-то опустошённый её любимый чемодан, в драгоценную крокодиловую кожу которого впилась зубами мёртвая летучая мышь.

Мэри

Они познакомились в музыкальном магазине на Неглинной. Он пришел туда с племянником. Мальчонке только что исполнилось двенадцать лет, и Музыкант решил подарить ему гитару. Инструмент для ребенка был выбран довольно быстро, и они уже собирались уходить, но Музыкант почему-то все ходил вдоль ряда инструментов и наконец, как будто решив какой-то очень важный для себя вопрос, повернулся к продавцу и попросил дать ему еще одну гитару.

Она жила в его комнате, занимая почти центральное место – на кресле, между любимым компьютером и диваном Музыканта. У неё, как у всякой уважающей себя гитары, был собственный чехол из мягкого черного материала с карманами, ручками и ремнями. А ещё у неё было Имя – Мэри. Оно появилось сначала как шутка, но вскоре уже воспринималось всеми как само собой разумеющееся. Иногда Музыкант убирал её в чехол и нёс у себя за спиной. Тогда были песни, шумные друзья или небольшие выступления. Основное же время Мэри лежала открытая, продуваемая воздухом. Она так привыкла к этому дому, что порой ей казалось, что она была здесь всегда. Впрочем, и у Музыканта было то же ощущение.

Они общались почти каждый день, иногда разучивая что-то новое, иногда просто вспоминая любимые мелодии и пес-

ни. Он садился, устроившись поудобнее, и брал её на колени. Она любила его теплые руки. Эти руки умели быть страстными и сильными или мягкими и ласковыми, нежными и волнующими. Она прижималась к нему всем своим естеством, прислушиваясь к ритму его сердца.

Но однажды Гитару долго не вынимали из чехла. Сначала ей было странно, потом тревожно. Через некоторое время она начала беспокоиться уже всерьез. Она расстраивалась. Прошло очень много времени. Сколько?.. Странная штука – это Время. За один и тот же промежуток для разных участников событий оно протекает с разной скоростью. Музыкант точно знал, что не брал в руки инструмент всего каких-нибудь пару недель, а Мэри была убеждена в том, что прошла целая вечность. Наконец Музыкант достал Гитару и принялся готовиться к игре. Совершенно непонятно почему, она была совсем расстроена.

Теперь Гитара встречалась со своим хозяином всё реже и реже. Она постепенно привыкла к тому, что стала занимать в его жизни меньше места, объясняя себе это простыми житейскими делами. У Музыканта было много Забот. Ведь эти его Заботы были такие важные. Например, большая Работа, друзья и совместные с друзьями Увлечения. Гитара ждала, когда он найдет для неё время, ну не столько, сколько раньше, когда они только познакомились, конечно... Однако никакие собственные объяснения не могли заставить её душу быть спокойной. Когда его руки доставали её из чехла,

она волновалась, начинала говорить «взахлеб» или, наоборот, пугалась, что её снова уберут в чехол, и никак не могла зазвучать. Музыкант не понимал, что происходит с Гитарой. Каждый раз её приходилось настраивать всё дольше и дольше. Причем чем продолжительнее был перерыв между их встречами, тем больше времени приходилось тратить на настройку. Всё это начало раздражать Музыканта. Он стал сердиться на инструмент, и тогда Гитара вдруг совсем перестала звучать. Она больше не отзывалась на его руки.

Прошло еще немного времени, и они расстались.

Странная

песня

De tristesse et ennui, nul fruit. (Грусть и скука вовсе не фрукты. Французский)

Певец вошёл в дом и легко поднялся на второй этаж. За-столье уже подходило к концу, и некоторые места пустовали. Присев за стол, он привычно поднял бокал за хозяев и углубился в свои мысли. В гостиной было шумно и душновато. У окна, выставив на всеобщее обозрение свои внутренности, распевался Рояль. Несколько человек уже обступили его и обсуждали партитуру. Вотр Эд продолжал сидеть за столом. Настроение было грустным и каким-то безнадежным. Высматривая хозяйку, он рассеянно обводил взглядом комнату, когда заметил на диване гитару. Гитара не то стояла, не то лежала на подушках, прислонившись к спинке, и как будто дремала. Больше на диване никого не было. Певец долго смотрел на неё, пытаясь понять, что за вихрь чувств поднялся с самой глубины его души. Когда-то в юности у него была такая же гитара... Это было так давно, что воспоминания о тех временах почти стерлись и сейчас едва читались. Кроме того, они были спрятаны в самый дальний уголок памяти и заперты на замок. Вотр Эд знал, где взять ключ, но никогда им не пользовался. «Простите, чей это инструмент?» – по-

интересовался он у молодого человека, явно знавшего здесь всех и всё. – «Мэри? – кивнул тот в сторону гитары. – Хозяина, но он куда-то вышел...» Мэри... Гитара явно была не просто инструментом. Подойдя к дивану, Певец аккуратно взял её в руки.

Сделанная во времена его молодости известной фирмой Taylor, она во всех отношениях была классической. Не очень большой корпус, относительно широкий гриф, нейлоновые струны, мягкое, теплое звучание. Такую гитару позволить себе мог не каждый. Как настоящий музыкант, Певец понимал ее ценность. Вотр Эд сел поудобнее и стал настраиваться.

Первым впечатлением от этой встречи для Мэри было – Удивление. С тех пор как она поселилась в этом доме, никто, кроме Хозяина, даже не пытался играть на ней. Рассматривали и восхищались многие, но играть... Она настороженно прислушивалась к сердцу этого человека. Затем, словно что-то уловив в глубине его души, она устроилась у него на коленях и позволила слегка подвернуть колки. Ей было интересно: о чём он хочет сейчас играть? Впрочем, она уже решила, что исполнит свою партию для этого странного человека с огромными коровьими глазами, вмещающими в себя всю скорбь Мира. Немного понежившись в руках музыканта, Мэри заговорила.

В комнате воцарилась такая тишина, что стало слышно, как в комнату вошла кошка. Певец и Гитара начали свой рассказ. Вотр Эд пел странную песню на непонятном для боль-

шинства гостей языке. Сначала тихо и робко, но затем все более и более эмоционально. Допев до конца, Певец встал с дивана и осторожно поставил на место Гитару. Слегка проведя пальцами по ее округлому боку, как бы благодаря и прощаясь с ней одновременно, быстро повернулся и вышел из комнаты, не дожидаясь реакции слушателей. Спустившись вниз, взял свое пальто и вышел на улицу. Одеваться уже не имело смысла. Сев в машину и затянувшись сигаретой, Певец рванул с места так, будто пытался убежать от воспоминаний. Воспоминания должны оставаться на своем месте. Да и к чему? Настоящее уже стало совсем неплохим, а Будущее обещало быть еще лучше. Вотр Эд ехал на студию записывать свой второй сольный альбом. Его уже ждали. Первый альбом разошелся огромными тиражами, а через пару недель состоится его концерт в Северной столице. Только что позвонил агент и доложил, что билеты распроданы.

Странная песня, прозвучавшая на вечеринке

В тумана плащ вокзал седой, старинный

Рекою бережно тепло одет.

Ночь представляется такой невинной,

Хотя она у всех украла свет.

Я уезжаю, вновь я убегаю.

Огнями Эльма манят миражи.

Вновь, словно Феникс, молча умираю,

Но снова возвращаюсь... подожди.

Туман шутя судьбой моей играет,
В его полах запутаться легко.
Он образ твой в дали мне подставляет.
Но это ложь. Ты очень далеко.

Я уезжаю, вновь я убегаю.
Огнями Эльма манят миражи.
Вновь, словно Феникс, молча умираю,
И снова возвращаюсь... подожди.

В плену иллюзий жить, не просыпаясь,
Как лёд в коктейле, в песнях растворюсь.
В мелодий звуки перевоплощаясь,
Хочу собой остаться, не дробясь.

Жемчужина

Дно было усеяно осколками древних амфор. Песок постепенно оседал, и вода становилась все более и более прозрачной. Нужно было оглянуться и найти место получше, возможно, что там, где он сейчас находится, небезопасно. Но пока песок не осядет окончательно, об этом нечего даже и думать. Нужно просто полежать и успокоиться. Что же это всё-таки было? Ведь ничто не указывало на такие перемены. Обычная тихая жизнь устойчивого сообщества. Еды было много, никто не жаловался, соседи вполне доброжелательно относились друг к другу, свято соблюдая законы общежития. И вдруг... Собственно, всё, что он мог сейчас вспомнить об этом, укладывалось в одну ноту – дикий вихрь, сорвавший его с места. Его бешено крутило и бросало из стороны в сторону. Давление воды увеличивалось, грозя раздавить и смять. Было очень важно не дать мышцам ослабнуть. Главное – не открыть рот, иначе конец. Потом его куда-то швырнуло, внезапно всё успокоилось, и он оказался здесь. Теперь просто ждать. Интересно, сколько метров воды отделяет его от солнца?

Там, где он родился, всегда было тепло и очень солнечно. Здесь тоже тепло, но солнца гораздо меньше, он чувствовал это даже с закрытыми створками. Все-таки нужно рискнуть. Он постепенно ослабил мускул и приоткрыл рот. В рот

тут же попал малюсенький камушек и забился внутрь. Проклятие! Он всегда этого опасался. Что теперь делать? Он напряг тело, пытаясь вывернуться наизнанку, высовывая то одну, то другую часть из раковины. Бесполезно, камушек только забивался еще дальше. Утомившись от этой бессмысленной борьбы, Птериа медленно закрыл створки раковины и перевел дух. Ладно, придется с этим жить. Слава Создателю, камушек оказался почти круглым и не очень большим. Значит, на то, чтобы затянуть его слоем защитного вещества, уйдет не так много сил и времени. Он опять приоткрыл створку и осторожно втянул внутрь немного воды. Вкус был приятным. Оглядевшись по сторонам, перл заметил кусок какой-то мраморной статуи, вполне приличной по размерам и форме для его нового дома, и надёжно прикрепился к самому выгодному участку. Глубина составляла более тридцати метров. Немного необычно, но зато менее опасно. В общем, можно было считать, что ему повезло.

Никто из обитателей уже не помнил, сколько времени прошло с того злополучного тайфуна. Жизнь за эти десятилетия давно наладилась и вошла в свою привычную колею. Единственным сильным переживанием Птериа за все это время была смертельная схватка с Морской Звездой. Но и тут всё окончилось вполне благополучно. А между его створками росла замечательная жемчужина. Он научился разговаривать с ней, слушать и слышать ее тихий голос. Голос его Души. Она была поистине прекрасна. Очень крупная, со-

вершенной формы, редкого голубого цвета, который мог меняться, принимая то сероватый, то зеленоватый оттенки, в зависимости от настроения перла. Она была нежной и твердой. Он знал, что такой нет больше ни у кого. Раковины-соседки, рискуя быть съеденными, время от времени подползали поближе к нему, предлагая помощь в продолжении рода. В принципе, он был не против. Иногда длинными темными ночами он думал о них... Но нет, этого нельзя допустить, ведь для этого придется приоткрыть створки чуть шире, чем обычно, а тогда кто-нибудь может узнать о том, что у него есть жемчужина.

Он берег её ото всех, боясь, что однажды чьи-то грубые руки могут попытаться взять её. Просверлить в ней отверстие или зажать в золотых тисках – только для того, чтобы выставить на всеобщее обозрение. И тогда он уже никогда больше не сможет её слышать. Даже его собственная дальнейшая судьба, связанная с попаданием на берег, его не беспокоила. Для чего же нужна такая жизнь, если у тебя больше нет твоей Жемчужины? Его волновало только её благополучие. «Ну что же, – думал он, – пока я еще могу держаться за свой родной осколок мрамора, у моей Жемчужины есть жизнь. Вот и прекрасно. Будем наслаждаться ею столько, сколько сможем. А там будет видно».

Барсетка

Всё началось в небольшой мастерской маленькой частной фирмочки, занимающейся изготовлением и продажей мужских кошельков, портмоне, ремней, портфелей и прочей мелкой необходимости.

Ранним весенним утром, когда заспанный охранник открыл двери посыльному, тот вручил ему маленькую бандероль из далекой Африки. Расписавшись, охранник отнёс сверток с неизвестным ему содержимым хозяину. В пакете, аккуратно проложенный тканью, лежал кусок кожи. Очень странной кожи. К свертку была прикреплена записка: «Милый Костик! Посылаю тебе только что купленный мною на базаре кусок крокодиловой кожи. На пальто здесь, конечно, не хватит, но кепку ты себе сшить сможешь. Твоя Сима». Хозяин фирмы долго смотрел на записку и ничего не мог понять. Во-первых, его никогда не звали Костиком, просто потому, что он был Александр Петрович, и кроме того, он не знал никакой Симы. Однако посыльный уже ушёл, обратный адрес отсутствовал, и искать этого неизвестного Костика не представлялось никакой возможности. Кепок Саша не носил никогда. Повертев в руках этот странный кусок, он решил, что нужно использовать его весь, не оставляя лоскутков-отходов. Для портфеля – мало, для кошелька – много. И тут в его голову очень робко и застенчиво постучалась мысль.

Человеком Саша по натуре своей был вежливым и гостеприимным, так что мысль вошла и удобно устроилась.

Вытряхнув из объемных карманов своего пальто все документы, сигареты и деньги, Саша сложил их аккуратной кучкой на куске кожи. «Ну что ж, милая, – ласково сказал Саша, – раз уж ты родишься в моей мастерской, то и имя тебе дам я. Ты будешь маленькой, но удобной и надежной, значит, и имя у тебя должно быть такое же. Мне нравится ласковое – Барсетка». Бережно свернув будущую сумочку, хозяин быстро набросал на обертке рисунок и понес всё это к закройщику. Закройщик работал с ним уже давно и прекрасно понимал хозяина. Кивнув в знак согласия, он принял из Сашиних рук свёрток и ушёл колдовать над ним. Потом то, что получилось, он отнес в другое помещение, где его друзья бережно выполнили задание, порученное закройщиком, о чем-то горячо, но тихо споря, пока, наконец, не вернули изделие хозяину.

Александр Петрович, нежно поглаживая бока новорожденной, несколько раз перевернул её, покачал, взвешивая на руке, и начал расстегивать замочки, кнопочки и молнии. Барсетка была в восторге! Она всячески демонстрировала свои достоинства, показывала самые потайные места и ждала похвалы. Она действительно была хороша! Мягкая, но упругая, необычной фактуры и расцветки, нестандартной формы, она сразу привлекала к себе мужские взгляды. А её внутренности! Нежный шёлк как будто говорил пальцам: «Ну,

потрогайте меня, прикоснитесь ко мне, перебирая документы, я так приятен на ощупь!» Да, это было произведение искусства! Саша положил сумочку на стол и стал укладывать в неё свои вещи.

Барсетка открыла ему объятия и замерла в предвкушении. Это были ни с чем не сравнимые ощущения. Она чувствовала внутри себя мягкие нежные пальцы хозяина. Едва касавшиеся шелковой подкладки, они властно укладывали внутри неё документы, визитки, сигареты и ключи. И вот всё было уложено. Саша быстро надел пальто, продел кисть руки в петлю, пришитую к изголовью Барсетки, и вышел из кабинета.

После рассеянного света и теплого воздуха мастерской ночной холодный воздух улицы показался Барсетке чем-то пугающим и ужасным. К тому же её мотало из стороны в сторону, и она постоянно обо что-то ударялась. Это была пытка. Бедная сумочка никак не могла понять: что же такого она сделала, чтобы Хозяин, так на неё рассердился? Впрочем, Саше, наконец, и самому надоело, что его постоянно что-то бьёт по ноге, и он вынул руку из петли. Повертев в руках сумку, он сунул её под руку, чуть выше локтя. Барсетка затаила дыхание. Она ещё помнила каждое прикосновение пальцев Хозяина у себя внутри. Но сейчас это было совершенно другое. Тепло разливалось по всей поверхности, ощущение безопасности и необходимости любимому Хозяину граничило с блаженством. Это было счастье. Барсетка поняла, что она

никогда по собственной воле не покинет этого замечательного человека. Она будет служить ему верой и правдой до самого последнего своего часа. Она будет хранить и оберегать все ценности, которые он ей доверит. И ждать. Ждать, когда он снова сильными и нежными пальцами откроет её застёжки и войдет к ней в её отделения. Ибо ни на какие кремы и протирки не променяет она эти волшебные минуты.

Вот так началась долгая жизнь Барсетки. У них с Хозяином будет ещё много разных приключений. Но это, возможно, уже другая история.

Перчатки

Тонкая лайка. Нежный цвет светлого шоколада. Ювелирная обработка швов и подкладка из мягкого золотистого шёлка. Сделанные на небольшую мужскую руку, эти перчатки вполне могли бы подойти и женщине, обладай та «твёрдой мужской» рукой достаточного размера. Родившись в тихом живописном пригороде Ливерпуля в отделении фирмы Pittards, они сразу имели светский лоск. Всё их естество пронизывала холеная чопорность, гармонично сочетаясь со знаменитым английским юмором. Дело в том, что на тончайшей подкладке правой перчатки мелким готическим шрифтом было вышито: *«right glove»*. Прodelав долгий путь от дружной семейной мастерской до крупного фешенебельного магазина, лежа рядом с другими мужскими аксессуарами, перемерив множество мужских рук, они были довольны своим нынешним положением. Эта пара привыкла друг к другу и за годы, проведенные вместе, научившись ладить между собой. Они хранились в ящике шкафа недалеко от входной двери, на работу всегда выходили вместе и возвращались одновременно. Тем не менее правой перчатке доставалось сильнее. Несмотря на отсутствие разницы в возрасте, она выглядела значительно потрёпаннее. Ну что поделывать, такова жизнь. Нужно отдать должное их хозяину – относился он к ним бережно. Кремы, притирки, тальк. Левая выгляде-

ла великолепно! А вот правая... да она и не интересовалась своим внешним видом. Её главной заботой была рука хозяйина.

Весна ещё только вступала в свои права, но солнце уже весело расплескивало веснушки на юные и не очень лица прекрасного пола, а птицы всю пробовали свои голосовые связки. Вечеринка подходила к концу, ресторан нужно было покидать, а расставаться никому не хотелось. Высказанная кем-то идея ехать на дачу всей компанией пришлась как нельзя «к месту».

Загородный дом привык жить тихой, размеренной жизнью, соответствовавшей установившемуся со временем старинному укладу, тем не менее он принял нашествие с должным спокойствием и философским оптимизмом. Компания была шумной и весьма разношерстной, пили и пели много. Некоторые пошли гулять по парку и даже затеялись кататься на плоту по пруду. После отъезда гостей Дом сразу начал приводить себя в порядок. Словно живущая в нём кошка Лиза, он умывался, привычно укладывался и вылизывался. Из всех углов выгребались оставленные гостями мусор и забытые вещи. Мусора, естественно, было больше. Забытые вещи аккуратно складывались в коробку и относились в помещение конного клуба. В скором времени большинство из них вернулось к своим хозяевам. Правда, не все. Правая перчатка лежала в коробке рядом с молодёжной шапочкой, девичьей косметичкой и фотоаппаратом. Все они были урожен-

цами разных стран, что, впрочем, никак не сказывалось на спокойном дружеском общении. Больше всех говорил Фотоаппарат, да это и было вполне понятно, ведь истории переполняли его. Шапочка, явно принадлежавшая молоденькой девушке, очень переживала расставание с хозяйкой и досаждала этим Косметичке. Было заметно, что они из одной семьи. А Перчатка беспокоилась о своём хозяине молча.

* * *

После своего странного мини-концерта Певец не появлялся в этом Доме уже очень давно. В тот последний вечер он так и не забрал свою Перчатку, забыв её на столике возле вешалки. Было странно, что никто из друзей не видел Певца ни в его любимых ресторанах, ни на общих дружеских вечеринках. Хозяйка дома взяла его перчатку к себе на работу, надеясь передать её тому при случае. Перчатка хранилась в ящике рабочего стола рядом с аккуратно сложенными папками, внутри которых лежали работы студентов. Их мысли, надежды и планы. Папки тихо перешептывались между собой. Они спорили, обсуждали своих хозяев и своё содержание.

Однажды в кабинет к Хозяйке зашел человек, уезжавший в другой город, и забрал Перчатку. Было решено, что там он передаст её Певцу. Так Перчатка оказалась в его барсетке, рядом с сигаретами, ключами и документами. Сигареты

были очень эмоциональны, вспыхивали по любому поводу, жили только своими страстями и надолго не задерживались. Ключи и документы переполняло чувство собственного достоинства, они стремились занять самое удобное и заметное место и не разговаривали даже между собой. Время для Перчатки тянулось неимоверно долго.

Этот ящик был больше похож на коробку для обуви, чем на ящичек Певца. Перчаток было много. Разного цвета и фактуры, они все были строго индивидуальны. Красные тонкие кожаные перчатки были ужасными воображалами, длинные до локтя чёрные – горды и чопорны, белые из шелкового кружева – нежны и кокетливы, замшевые на меху – добры и спокойны, веселые и пухлые пушистые рукавички были смешливы и общительны. Но всех их объединяло то, что ставило Правую перчатку в неловкое положение. Все перчатки этого дома, включая одинокую Левую перчатку, из лайки цвета светлого шоколада, были женскими. Возможно, что это и было той причиной, по которой с их стороны возникла некоторая настороженность. Правую перчатку положили возле левой, сложили их вместе, вынули, еще раз подержали в руках и убрали обратно. В коробке поползли тихие, похожие на вздохи разговоры. Левая перчатка была в ящике старожилком, и её не убирали даже в то время, когда она оказалась без своей половины. Удивительно, но она была так же поношена, как Правая, и так же приняла форму руки своей хозяйки. Вообще они странным образом были похожи, хотя

раньше принадлежали разным людям. Мужчине и женщине. Конечно, решающую роль здесь сыграло происхождение. Сделанные из одинаковой кожи, на одной и той же фабрике, в одно время, они были сшиты по одному лекалу. Правда, Правая была чуть побольше, но на руке новой хозяйки это было совсем не заметно. Напротив, женщина чувствовала себя комфортно, и это состояние удовлетворенности передавалось перчаткам. Да и потом, у них были одинаковые цель и предназначение. Не важно, что их хозяева были совсем разные, это вовсе не отразилось на характерах перчаток. Правая понимала эту их одинаковость и следующую за ней предопределенность их судьбы. Судьбы стать парой. Надолго ли? Кто может это знать? Ей нравилась Левая перчатка своим лёгким характером и приятным запахом. И всё же Правая вела себя несколько отстраненно, словно выжидая чего-то. Левая перчатка и от рождения была мягкой, а после длительного ношения стала ещё мягче и эластичнее. Благодаря своей исключительной выделке и бережному отношению она не потеряла прекрасный внешний вид до сих пор. Кроме того, будучи тонкой по натуре, она позволяла пальцам сохранять высокую чувствительность. Да и сама была таковой. Когда Правая перчатка оказывалась вплотную прижатой к ней, Левая впадала в состояние блаженства, её кожа переставала дышать, и рука, одетая в неё, становилась влажной. Заметив это, хозяйка перчаток перестала носить Правую перчатку в руке, уже облачённой в Левую. Женщина на-

училась не снимать Правую по пустякам. Теперь перчатки встречались реже, зато Правая перестала опасаться, что её опять потеряют. Постепенно Правая перчатка начала видеть положительные стороны в том, что они слевой перчаткой теперь пара. Она остро ощущала неразрывность этого союза и получала от этого удовольствие.

Блудный сын

«Блудный сын». Ну, и не смешно.

Она дала ему это прозвище сразу после их первого совместного путешествия. Он не возражал. Он вообще никогда ей не возражал. И не обижался. Он был выше этого. А обзываться не нужно. Он же не сервант, чтобы дома у стены неподвижно стоять. Его нынешняя родословная тоже не пару поколений насчитывает. И все путешественники. Начиная с самого первого предка, который ещё в шестом веке до нашей эры содействовал персидскому вельможе в его длительных поездках по дороге, ведущей из Эфеса в Сузы. Ничего себе расстояние! Звали этого его предка Джомадан, что с языка хеттов переводится как «хранилище одежды». Выполненный из плотных шерстяных ковров в виде большой сумки с ручками из кожи, покоясь на коврах, устилавших колесницу сатрапа, Джомадан вёл себя вполне достойно – не сползал и не падал при быстрой езде. Так что, извините.

В ту – их первую поездку, Женщина взяла Чемодан с собой на Кипр, где он спокойно простоял в шкафу отеля и так же спокойно добрался вместе с ней до Ларнаки. Там его уже отправили на досмотр, когда в аэропорту поднялась страшная суматоха. Какой-то профессор истории из Каирского университета угнал самолёт из Александрии и посадил в Ларнаке. Местные готовились к штурму, аэропорт закры-

ли, рейсы отменили, и весь багаж оказался в одном месте. Вот тогда, проявив чудеса изворотливости, Чемодану удалось присоединиться к тем, что летели в Доху для пересадки на Гоа. Это была удача. Дело в том, что у него тогда была мечта. Не так чтобы что-то сверхъестественное. Вполне себе обычная мечта. На Родине побывать. Да не в Париже! На Гоа.

Где на самом деле хранится память? Это люди так решили, что в голове. Его память была укрыта в коже. В его коже. В те времена, когда он плавал в дельте реки Заури, его кожа собирала информацию обо всём, что его окружало, помогая ориентироваться в условиях полной темноты и подводного погружения. Тогда его звали Rogosus («ноздrevатый»), из-за того, что морда у старых крокодилов покрыта буграми. И жил он, надо сказать, совсем неплохо почти сто лет. До тех пор, пока этому парню из далёкого города Париж в 1936 году не пришлось в голову сделать свой знаменитый Чемодан-Гардероб «Mrs. Donahue» из кожи крокодила с золотым именованным тиснением! С этого момента человек стал для него не лакомством, а единственной угрозой. Поросусу пришлось учиться ловко прятаться при первом появлении людей. И вот... Старый стал, да и неповоротливый. Попробуй быть юрким при длине более шести метров и весе почти две тонны. Попался. В результате нескольких часов отчаянной борьбы с вооруженными палками и ружьями людьми он проиграл. Его шкуру продали, и началась сегодняшняя вторая жизнь. Вот почему его тянуло в мангровые заводы Гоа. Па-

мять есть память.

Всё изменилось во время перелёта из Дохи на Гоа. Спортивная сумка. Она стояла рядом с ним на полке. Аккуратная, не большая, но и не маленькая. Она не была ни слишком модной, ни слишком дорогой (в отличие от него), вполне скромная, но весьма достойная, с ровными боками, олицетворяющими порядок внутри. Ему сразу почему-то стало стыдно за свой внутренний бедлам. За выпирающие из боков твёрдые предметы. За сильный запах дорогих арабских духов. Неважно, что в этом был виноват не он. Всё равно неловко. В Даболиме он долго ездил по транспортной ленте, но присоединиться к Сумке так и не смог. Сумка быстро перешла к своему хозяину, а Чемодан после того, как он остался один, определили случайно затерявшимся. Через некоторое время Чемодан уже летел обратно на Кипр. Как радовалась его женщина! Только что не целовала.

Потом эта история на Шри-Ланке, но там он и вовсе не был виноват. Она сама его перепутала. Схватила тот, что приехал к ней на ленте раньше. Это не оправдание, что таких, как он, очень мало, всё равно смотреть нужно. На неё тогда вся её группа ополчилась из-за того, что она другого ему предпочла. Ещё бы, он очень ценный был – внутри у него много бутылок с алкоголем поместилось. На всю компанию. А он на неё не обиделся. Даже тогда. Тихо ждал сутки в специальном отделении.

И в Сочи он не из вредности не полетел. Замешкался в

Шереметьево. Показалось, что встретил Ту Сумку. Потерял равновесие. И враки, что это он весь багаж самолёта тогда задержал и из-за него всё в Москве так и осталось. Совпадение. Женщина его тогда так и не дождалась. Забрала уже на обратном пути через три дня. Тоже очень радовалась. Ну и ему, конечно, приятно было. Она женщина красивая, яркая, да и он тоже – будь здоров! Все внимание обращают, завидуют.

Вот в Тоскане он уже действительно сам спрятался в отеле. Обидно стало. Вся её компания ещё в аэропорту стала к нему приглядываться, хозяйку ругать – зачем, мол, Блудного сына с собой взяла. Опять проблемы будут. Он сначала не собирался ничего такого, но раз так. Нет, правда, ловко он тогда вместо четвертого номера в двадцать третий залез. Там китайка жила. Только эта китайка успела раздеться для душа, вваливаются в номер несколько мужиков. Мы, говорят, за Чемоданом пришли. Китайка как завизжит. Его, конечно, в номер к хозяйке отнесли, та опять радовалась. Любила его тогда очень. Так любила, что на Гоа опять с собой взяла. Хотя ей вся компания говорила, что нельзя, а она всё равно взяла. Вот за это он ей очень благодарен. Мечта его сбылась. Десять дней проливных дождей. В окно джунгли смотрят. Его кожа прямо лоснилась от счастья. Как тогда, когда его еще звали Rogosus. Всё в той поездке отлично было, ни к кому претензий ни с чьей стороны. И угораздило же их лететь обратно через Катар. Последний раз он видел свою женщину

в Даболиме. По прилёте в Доху весь багаж сгрузили для досмотра и начали сортировать по биркам. Вот в этот момент возле него вдруг оказалась Сумка. Они оба попали на транспортную ленту, она – чтобы остаться в Катаре, а он – лететь дальше в Москву. Всё зависело теперь только от бирок. От волнения он даже взмок внутри. Его попутчики заметили это сразу. Друзья для того и существуют, чтобы прийти на помощь. На что он надеялся? Много ли ему было нужно? Он находился рядом почти четыре часа. Что за это время можно успеть? И какую цену можно за это заплатить?

Дома в Москве Чемодан и его товарищей, летевших с ним с Гоа, встретил молодой мужчина. Недолгая поездка в багажнике автомобиля, и Чемодан освободили от всего содержимого. Затем внутрь положили какие-то вещи и вынесли на улицу.

Джон

Эта комната была его личным пространством. Совершенно личным. Конечно, это вовсе не означает, что в остальных помещениях своего дома, Павел придерживался строгого этикета. Боже упаси! Он считал дом тем местом, где человек может и должен чувствовать себя свободно. И именно так он и чувствовал себя дома. Но его личная комната... это было почти сакральное место. Вещи валялись в самых немислимых для постороннего человека местах, создавая впечатление какой-то сюрреалистической картины. Общее впечатление довершала шикарная ковбойская шляпа коньячного цвета из кожи страуса, декорированная когтями. Эта мужская шляпа висела под самым потолком на выдавших виды старинных рогах козерога, доставшихся Павлу от прабабки. Поскольку только рога не могли поменять своего места в комнате, то и у шляпы было то же преимущество перед остальными. Так что эти двое – рога и шляпа, были неразлучными друзьями.

Ковбойская шляпа, привезенная друзьями в подарок Павлу из Техаса, была само олицетворение Мужчины. У нее было даже соответствующее ей имя – Джон. Шляп привык обзирать окрестности и всё, что происходило внутри, свысока своего положения. Ведь даже водруженный на голову Павла, он имел перед окружающими то же преимущество. Согласи-

теть, что рост в сто девяносто сантиметров делает человека заметным в толпе.

Джон часто бывал в гостях у друзей и подруг хозяина, но везде и при любых обстоятельствах к нему относились с повышенным уважением. Домашние тоже не обделяли его почетом. Все. Исключение составляла только старинная подруга Павла – Мэри. Мэри, шестиструнная гитара хозяина, жила здесь немного дольше Джона и позволяла себе иногда посмеиваться над шляпом, напевая какую-нибудь старую шуточную ковбойскую или тирольскую песенку. Однако это никогда не было поводом к ссоре. Они вообще никогда не ссорились. Они дружили.

Павел вошел в комнату. На письменном столе лежал уже собранный рюкзак. Аккуратно упаковав Мэри в чехол и надев Джона, ещё раз осмотрелся, затем повесил Мэри на плечо и вышел, прихватив рюкзак. Всю дорогу до Адлера Джон провел на заднем сидении автомобиля возле Мэри и Тони – друга Павла. Ребята много смеялись, рассуждали и слушали музыку. Было уютно и весело. В город приехали в полдень и сначала устроились в отеле.

Вечером все вышли на набережную прогуляться, и Джона крепко привязали к подбородку Павла, предотвратив таким образом очередную попытку шляпа слетать к морю. Море влекло и завораживало. Конечно, Джон мог бы сбегать к воде ещё днём, во время купания мальчишек, но Павел предусмотрительно запихивал его в рюкзак. Оставалось только

смотреть издалека.

Она родилась в Италии, и все её существо было пропитано солнцем и медовым ароматом горных трав. Сделанная из золотистой соломки ловкими и добрыми руками веселой девушки, Лаура имела такой же замечательный характер. Вид у нее был слегка легкомысленный и в то же самое время весьма изящный. Она была сама Элегантность. Говорят, что вещи подбирают себе хозяев по своему характеру. Это правда. Так что хозяйка соломенной шляпки вовсе не выпадала из этого правила. Маша была само очарование.

Было чуть ветрено, посему гуляющие на набережной не толпились. Маша стояла у парапета ресторана и смотрела на море. День прошел в суматохе, и сейчас хотелось просто стоять, вглядываясь в даль, слушать тихую музыку волн и ни о чем не думать. Под балконом отчаянно мяукал котенок. Маша наклонилась посмотреть, в чём дело, и в этот момент любимая шляпка слетела с её волос. Немного покружив над набережной, шляпка приземлилась недалеко от столика, за которым сидела небольшая группа молодых людей, потягивающих пиво и оживленно разговаривающих. Один из них, уже давно наблюдавший за Машей, отреагировал на происшествие очень быстро. Подскочив к шляпке, он бережно поднял её и направился ко входу в ресторан, навстречу Маше. Маша уже порядком устала от общества своих коллег и предложение Павла присоединиться к их компании приняла с облегчением. Решили пойти к морю и попеть под гитару.

Лаура была довольна собой. Фокус с полётом удался прекрасно. Ей уже давно приглянулся кожаный невозмутимый ковбой внизу, а тут такой шанс! Она кокетливо сидела на изящной головке Маши и иногда подмигивала Джону своими ленточками и цветочками.

Джон затаил дыхание. Шляп жил в столице и встречал много женских шляпок. Очень много. Но никогда он не чувствовал ничего даже отдаленно напоминающего это состояние. От одного только присутствия Лауры все его заклёпки и коготки издавали тихий мелодичный звон. Солнце только начало свой путь к морю и ещё не покрылось румянцем смущения, а Джон уже явственно слышал музыку звезд.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.